Д.А. Гутнов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: gutnov@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА М.В. ЛОМОНОСОВА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена анализу основных тенденций в формировании и эволюции образа М.В. Ломоносова в отечественной исторической литературе с середины XVIII в. до наших дней.

Ключевые слова: *М.В. Ломоносов, образ, юбилей, историография.*

The article is devoted to the analysis of the main trends in the formation and evolution of the image of the famous Russian scientist and enlightener Mikhail Lomonosov in the Russian historical literature from the middle of XVIII century up to our days.

Key words: *M. Lomonosov, image, anniversary, historiography.*

Не так давно, в 2011 г., в нашей стране с большим размахом отмечалось 300-летие со дня рождения выдающегося русского просветителя и первого российского академика Михаила Васильевича Ломоносова. Это событие естественным образом подстегнуло интерес широкой общественности, средств массовой информации, отдельных исследователей и журналистов к фактам биографии, научным и иным заслугам нашего великого юбиляра. Практически весь юбилейный 2011 г. мы узнавали о тех многочисленных новациях и громадном вкладе, который Михаил Васильевич с его необузданной энергией внес в различные отрасли научного знания и отечественной культуры. И все это, безусловно, правильно и справедливо. Однако жанр юбилейных торжеств по вполне понятным причинам не предполагал серьезного научного и тем более критического отношения к самому юбиляру и тому следу, который он оставил в российской научной и общественной мысли. Ни в коей мере не умаляя заслуг Михаила Васильевича, я бы хотел по прошествии нескольких лет, когда утихли литавры и закончились славословия, еще раз потревожить его память. В центре моего повествования будет поставлена не столько фигура Михаила Васильевича Ломоносова[1], сколько более эфемерная материя, а именно эволюция образа М.В. Ломоносова в русском общественном сознании и тех факторов, которые его в разное время определяли.

[1] Я уже имел возможность кратко высказаться по этому вопросу. См.: *Гутнов Д.А.* На полях биографии. К 300-летию М.В. Ломоносова. // Природа. 2011. № 11. С. 30—36.

И прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что в свете того совершенно выдающегося места, которое занял М.В. Ломоносов в истории отечественной культуры, места, в полной мере оцененного уже современниками великого просветителя, главную формирующую роль в складывающейся традиции таковой оценки играла государственная политика. Несмотря на то что первые биографии М.В. Ломоносова увидели свет в 70-е гг. XVIII в.[2], высочайший интерес к его делам и фигуре был проявлен лишь в 1782 г. в связи с созданием Комиссии по учреждению народных училищ. Этот орган по замыслу Екатерины II создавался для правильной организации народного образования подданных Российской империи. В основе этого плана была не только образовательная, но и политическая цель — воспитание граждан в духе верноподданнических и патриотических чувств. Этим целям должна была служить беспрецедентная по тем временам издательская программа, предполагавшая издание учебных пособий, хрестоматий и воспитательных книг определенных к чтению учащимися в народных училищах Российской империи различных уровней. Примечательно, что книги эти предполагалось издавать в двух вариантах — собственно для учащихся (учебные пособия) и учащих (как бы мы сказали ныне — методические указания). Эта прокламация просвещенного абсолютизма должна была опираться на многочисленные примеры из жизни, которые легче всего было найти в жизнеописаниях выдающихся россиян. Однако, если подобных примеров из числа придворных и военных чинов разных эпох было довольно много, то образы сознательных граждан явно нуждались в расширении. Основными примерами в сочинении «О должностях человека и гражданина»[3] выступают К. Минин и И. Сусанин. Вот тут-то властью был впервые востребован образ М.В. Ломоносова. Естественно, что в воспитательных целях его светлый лик должен был быть безупречен, по крайней мере, с позиций заказчиков и вдохновителей этого образовательного проекта. А им была сама императрица.

Сама Екатерина II в статье «О российских сочинениях и Российском языке»[4] ссылается на Ломоносова как на непререкаемый авторитет в области словесности и поэзии. Этот властный импульс был подхвачен Президентом Академии наук княгиней Е.Р. Дашковой, которая приняла решение издать полное академическое со-

[2] *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писательях. СПб., 1772. С.119—130.

[3] О должностях человека и гражданина. Книга к чтению, определенная в народных училищах Российской империи. СПб., 1783. Ч. 1—4.

[4] Сочинения Императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 5. С. 321—329.

брание сочинений М.В. Ломоносова. Это издание предваряла биография М.В. Ломоносова, написанная членом-корреспондентом АН М.И. Веревкиным[5]. Созданная по этому заказу биография написана в стиле сентиментальной, романтической повести. Жизнь М. В. Ломоносова предстает читателю полной приключений и соблазнов, в борьбе с которыми он неизменно выбирал единственно верный путь. Примечательно, что этот, в общем, весьма идеализированный образ первого отечественного ученого еще могли оценить доживавшие свой век современники Михаила Васильевича, в том числе и те, с которыми он находился в весьма непростых отношениях и которые, говоря по правде, могли, ссылаясь на личное с ним знакомство, подкорректировать его. Из живших на момент издания биографии Веревкина академиков С.Я. Румовского, Ф. Эпинуса, С.К. Котельникова, Я. Штелина лишь последний передал автору кое-какие сведения[6]. Так или иначе, но никто из перечисленных лиц не высказал желания отредактировать или опровергнуть складывающийся на их глазах миф государственной пропаганды.

Определенную оппозицию этому мифу высказал самый известный политический заключенный екатерининской эпохи — А.Н. Радищев. В своем «Слове о Ломоносове», завершающем его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву», он писал: «...Ломоносов, действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразно отверзал обществу уму стези на познание... Родил он себя прежде других, родил себя в вожди и слава твоя есть слава вождя... Но если Ломоносов не достиг великости в испытании природы, он действия ее великолепные описал нам слогом чистым и внятным. И хотя мы не находим в творениях его, до естественной науки касающихся, изящного учителя естественности, найдем, однакож, учителя в слове...»[7]. Однако это мнение осталось незамеченным в свете репрессий, обрушившихся на его автора.

В 1786 г. Екатерина II заканчивает свою пьесу «Начальное управление Олега», куда были вставлены несколько строф из од Ломоносова[8]. Такое августейшее внимание к Ломоносову, определявшее его соавторство, означало прямое монаршее покровительство его памяти. В 1792 г. скульптор Ф.И. Шубин получает заказ на созда-

---

[5] *Стенник Ю.В.* М.И. Веревкин. Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1. С. 148—150.

[6] Они позже были опубликованы в книге: Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его собственных слов Штелиным // Москвитянин. 1850. Ч. 1. Отд. 2. С. 1—14.

[7] *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений. М.; Л. 1938—1952. Т. 1. С. 352.

[8] Сочинения Императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2.С. 294—297.

ние бюста М.В. Ломоносова для установки его в Камероновой галерее Царкосельского дворца, где размещались бюсты античных героев. Это в значительной степени и определило тот стилистический образ Ломоносова, который воплотил Ф.И. Шубин в своем бюсте.

Последующие обращения к образу М.В. Ломоносова таких авторов, как П. Плавильшиков[9], М. Баккаревич[10] и др., с необходимостью отрабатывали уже сложившуюся мифологему о М.В. Ломоносове поэте-патриоте, гражданине и реформаторе русского языка.

В царствование Павла I и Александра I этот образ почти не претерпел изменений. Продолжая традиции екатерининской эпохи, новые учебные пособия для народных училищ, выпускавшиеся уже после проведения в жизнь образовательной реформы Александра I, в обязательном порядке требовали изучения биографии и отдельных произведений М.В. Ломоносова. В рекомендованной к чтению для юношества антологии русских национальных героев его имя поставлено в один ряд с Я.Ф. Долгоруковым, П.А. Румянцевым-Задунайским, А.В. Суворовым и Г.А. Потемкиным и др.[11]

Столетняя годовщина со дня рождения М.В. Ломоносова (1811) прошла незамеченной в пылу баталий наполеоновских войн.

Завершение первого, «поэтически-патриотического» этапа в формировании образа М.В. Ломоносова связано с именем Александра Сергеевича Пушкина. С одной стороны, он посвятил М.В. Ломоносову проникновенные строки одного из своих известных стихотворений:

> Невод рыбак расстилал по берегу студенного моря;
> Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
> Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
> Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

С другой стороны, как поэт Пушкин характеризует Ломоносова следующим образом: «Уважаю в нем великого человека, но, конечно, не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты оного: вот его главная заслуга»[12].

Таким образом, имидж Ломоносова-поэта стал потихоньку отходить в прошлое. Правда, практически в то же самое время архивистом и историком П.А. Мухановым был дан новый импульс к

---

[9] *Плавильщиков П.А.* Нечто о врожденном свойстве душ Российских // Зритель. 1792. Февраль. С. 170—173.

[10] *Баккаревич М.* Нечто о Ломоносове // Приятное и полезное препровождение времени. М., 1794. Ч. 3. С. 319—335.

[11] *Львов П.* Храм славы российских героев от времен Гостомысла до царствования Романовых. СПб., 1803.

[12] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977—1979. Т. 10. С. 114—116.

трансформации ломоносовского образа. В сентябрьском номере «Московского телеграфа» за 1825 г. им было опубликовано общеизвестное ныне письмо М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову, предначертавшее план основания Московского университета. Таким образом, исторические слухи, связывающие основание Московского университета с его именем и отчасти подтверждавшиеся самим М.В. Ломоносовым в ряде его высказываний и упоминаний[13], обрели свое документальное подтверждение. Как известно, после этого Московский университет выступил с инициативой установки в университете памятника М.В. Ломоносову как своему основателю.

Если на торжестве своего полувекового юбилея в 1805 г. в речах собравшихся по этому поводу профессоров и питомцев звучали благодарности «другу просвещения» И.И. Шувалову, его августейшей покровительнице и действующему монарху[14], то уже в год своего 75-летия акценты были расставлены вполне определенно. В торжественных речах профессора И.М. Снегирева и М.П. Погодина (особенно последнего) роль Ломоносова в основании Московского университета становилась решающей[15].

Данная тенденция была печатно оформлена в изданной к столетнему юбилею Московского университета первой его печатной истории, написанной С.П. Шевыревым[16]. Окончательно она была закреплена в дни столетнего юбилея Московского университета в речах главных докладчиков от Московского университета на торжественном акте Московского университета по этому случаю, — профессоров С.М. Соловьева[17] и М.П. Погодина. Эта точка зрения не противоречила тогдашней политике Министерства народного просвещения и надолго определила место М.В. Ломоносова в создании первого классического университета в России.

В данной связи уместно напомнить, что эта ипостась образа Ломоносова нашла свое отражение в установке памятника М.В. Ломоносову в Московском университете 12 января 1877 г. и в присвоении уже в советское время Московскому университету имени М.В. Ломоносова. Именем Михаила Васильевича были названы

---

[13] *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1957. С. 537.

[14] *Цветаев Л.* Слово о взаимном влиянии наук на законы и законов на науки. На день торжественного празднования Императорского Московского университета, о благополучно совершившемся пятидесятилетии его существования. Читано в публичном оного университета собрании 30 мая 1805 г. М., 1805.

[15] Речи и стихи, произнесенные на торжественном собрании Императорского Московского университета июня 26 дня 1830 г. М.: ИМУ, 1830.

[16] История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. Под ред. проф. С.П. Шевырева. М., 1855.

[17] *Соловьев С.М.* Благодарное воспоминание о Иване Ивановиче Шувалове // ЖМНП. 1855. Ч. 85. Отд. 2. С. 167—176.

первые научные чтения, регулярно проводимые Московским университетом после Великой Отечественной войны, и престижные научные премии, назначаемые и выдаваемые Московским университетом своим выдающимся питомцам. И по сей день образ М.В. Ломоносова теснейшим образом связан с Московским университетом, свидетельством чего может стать масса примеров, о которых здесь нет возможности говорить подробно.

Довольно длительное время, как до революции, так и после, был востребован образ юного М.В. Ломоносова, который в своей жажде знаний преодолел все мыслимые и немыслимые препятствия на своем пути и добился выдающихся успехов в науках. Пионером на этом пути была книга К. Полевого «Михаил Васильевич Ломоносов»[18]. Книга представляет собой образчик популярной биографии М.В. Ломоносова и получила благожелательную критику. С отзывом на нее выступил даже В.Г. Белинский, называвший ее «поэтической биографией человека и гения»[19].

Образ юного помора, не останавливавшегося ни перед чем на пути к знаниям, оказался востребованным в 40—50-е гг. XIX в. В своем вольном пересказе, зачастую сдобренном разными сентиментальными деталями, в стихотворной форме или в прозе, под разными названиями эта биография М.В. Ломоносова тиражировалась в различных детских, популярных «народных» изданиях за подписью различных авторов и напечатанная разными издательствами. В этой связи можно вспомнить ставшие классическими строфы стихов Н.А. Некрасова, обращенные к детской аудитории.

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Этот имидж, правда, долгое время не поддерживался официальными властями. Подобное положение дел было связано прежде всего с растущей революционизацией российских университетов второй половины XIX — начала XX в. и обозначившимся стремлением правительства в связи с этим ограничить доступ к образованию представителям ряда социальных и национальных групп. Но поистине вторую жизнь он обрел с приходом советской власти.

В свете гигантских задач по ликвидации неграмотности в стране и введения всеобуча образ стремящегося к просвещению моло-

[18] *Полевой К.А.* Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1836.

[19] *Белинский В.Г.* Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого // Белинский В.Г. Избранные философские сочинения: В 2 т. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 1. С. 217—229.

дого человека «от сохи» пришелся как нельзя кстати. Старт этой идеологической кампании дали торжества, посвященные 200-летней годовщине создания Академии наук в сентябре 1925 г. Юбилейные мероприятия были всемерно поддержаны советской властью. 27 июля 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о признании Российской академии наук высшим учебным заведением СССР. Сами торжества, проходившие частично в Москве, частично в Ленинграде, отмечались как праздник общенациональной значимости. Примечательно, что живую связь времен на этом юбилее олицетворяла собой 13-летняя пионерка Нина Быкова — праправнучка М.В. Ломоносова по женской линии[20].

За день до начала торжеств было опубликовано Постановление Президиума ВЦИК о введении в РСФСР всеобщего начального обучения с планированием ввести его как обязательное не позже 1933—1934 гг.[21]

В газете «Правда» со статьей «Академик Михайло Ломоносов» выступил старый большевик и один из основателей этой газеты Л. Сосновский. «Третий век Академии, — писал он, — будет первым веком сближения науки с народными массами. Массы поймут значение науки и ее твердыни — Академии... Миллионы юношей из рабочей и крестьянской среды должны зажечься тем же пламенем, каким горел Ломоносов. Пусть каждый желторотый юнец в городе и деревне растет с ощущением, что и он в какой-то мере станет Ломоносовым. Ломоносов в XVIII веке был чудом. Ломоносовы в нашу эпоху станут явлением массовым...»[22].

Для популяризации образа первого «народного» академика почтой СССР была выпущена марка с изображением Ломоносова. Газеты печатали соответствующие переживаемому моменту стихи:

Ты видишь, Михайло, как шаг наш уверен,
Ты слышишь, как мчатся лихие года,
В науку для нас не закроются двери,
Наука от нас не уйдет никогда.

Для закрепления образа Ломоносова-ученика в сознании тех, кто уже освоил грамоту, были выпущены его беллетризированные биографии[23].

---

[20] Ленинградская правда. 1925. 14 августа. № 184.

[21] Введение в СССР начального обучения // Правда. 1925. 3 сентября. № 200. С. 3.

[22] *Сосновский Л.* Академик Михайло Ломоносов // Правда. 1925. 6 сентября. № 203. С. 3.

[23] *Шторм Г.П.* Труды и дни Михаила Ломоносова. Обозрение в 9 главах и 6 иллюминациях. М., 1932.

В дальнейшем этот образ русского мальчика «из низов», который в своей жажде знаний преодолел все возможные преграды, вошел составной частью в более общий образ отца национальной науки. И надо сказать, что этот образ Ломоносова в предвоенные годы действительно дал толчок многим молодым людям, пришедшим в университеты прямо «от станка» и «от сохи» и внесшим затем свой, порою неоценимый вклад в развитие отечественной науки и образования.

Начало образу Ломоносова — основателя и творца русской науки — положили торжества, приуроченные к столетней годовщине со дня кончины М.В. Ломоносова. Юбилейные собрания проходили в обеих столицах и еще в 25 городах в 1865 г. В условиях начавшихся реформ, которые, как уже тогда было очевидно, поляризовали русское общество, этот юбилей был призван, в том числе, сплотить нацию перед новыми вызовами на примере «самого чистокровного представителя русского народа по своему происхождению». В торжественной речи, посвященной великому россиянину, в стенах Академии наук выступил академик Я.К. Грот. Он подчеркнул то обстоятельство, что «в настоящее время на первый план в оценке Ломоносова выступает его общественная деятельность, его национальное значение; он является передовым борцом русской мысли, и общая дань памяти его есть торжественное признание драгоценнейших духовных сокровищ нации»[24]. Эта «воспитательная» сторона жизни М.В. Ломоносова для русского народа стала центральной идеей всех проводимых торжеств и стержнем многих публикаций. Появившиеся в большом количестве научные работы, публицистические статьи впервые восславили заслуги Ломоносова во всех отраслях естественных и гуманитарных наук, в журналистике, литературе и в «воспитании народа». Спектр авторов был необычайно широк. Граней таланта отечественного просветителя тоже открылось много. На этом фоне небольшая статья анонимного автора в православном журнале «Домашняя беседа» прошла почти незамеченной. Она называлась «Ломоносов и немцы»[25] и отражала в несколько утрированном виде известную (но столь радикально не высказывавшуюся ранее) точку зрения славянофилов о М.В. Ломоносове — как борце против немецкого засилья в науке и против русских пособников этого засилья.

Примечательно, что для целей создания нового образа активно применялся метод, затем неоднократно использовавшийся в по-

[24] *Грот Я.К.* Очерк академической деятельности Ломоносова // Записки Императорской АН. 1865. Т. 7. Вып. 2. С. 221.

[25] Ломоносов и немцы // Домашняя беседа. 1865. № 17—21.

пуляризации Ломоносова. Как правило, общественности представлялись только оправдавшиеся предположения Ломоносова из множества таковых, рассыпанных в его трудах и бумагах. Это позволяло представить Ломоносова как непререкаемого авторитета в вопросах перспектив развития всех отраслей отечественной науки. При этом естественным образом замалчивались явно контрастировавшие с этой точкой зрения оценки его коллег—современников по Академии наук. В этой ситуации использование тезиса о борьбе Ломоносова с немецким засильем позволяло низвести эту, в общем известную, нелицеприятную критику до субъективных оценок, вызванных накалом полемики.

Много документов из архива Ломоносова к юбилею было опубликовано еще ранее А.Ф. Вельтманом[26], а затем П.С. Билярским,[27] П.П. Пекарским. Перу последнего принадлежит и издание академической «Истории Императорской Академии Наук в Петербурге», в которой образ Ломоносова — борца с немецким засильем — получил свое каноническое воплощение. Вот одна цитата: «Все эти бумаги (Ломоносова. — *Д.Г.*) имеют особенное значение для большинства русских читателей, которые в этом случае всегда становятся на сторону Ломоносова именно потому, что у Ломоносова резко осуждаются льготы и преимущества иноземцам в России и их весьма понятное равнодушие к ее пользам...»[28].

Примечательно, что эти утверждения надолго пережили самого автора, а длительное время сличением ломоносовских бумаг с подобными же архивными данными других участников приснопамятных академических прений XVIII в. никто специально не занимался.

Указанные выше черты образа Ломоносова оказались столь прочно вплетены в ткань отечественной историографии потому, что были востребованы и закреплены в дни празднования двухсотлетней годовщины со дня рождения М.В. Ломоносова. Для его подготовки были образованы две комиссии — в 1909 г. по празднованию 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова и в 1910 г. по созданию выставки «Ломоносов в Елизаветинское время». Сам император Николай II соизволил оказывать высочайшее покровительство работе выставочной комиссии. Среди известных имен, сотрудничавших в ней, были признанные на тот момент авторитеты отечественной науки: Н.Н. Бекетов, В.И. Вернадский, Л.И. Со-

---

[26] *Вельтман А.Ф.* Портфель служебной деятельности Ломоносова // Очерки России, издаваемые В. Пассеком. Кн. 2. М., 1840. С. 5—85.

[27] *Билярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

[28] *Пекарский П.П.* История императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 569.

болевский, А.А. Шахматов, С.Ф.Ольденбург и др. Финансирование организации выставки взяло на себя государственное казначейство.

Сами ломоносовские торжества состоялись 4—7 ноября 1911 г. Центр юбилея, естественно, располагался в столице. Торжественные литургии, панихиды в Александро-Невской Лавре перемежались с многолюдными учеными заседаниями в различных залах. Подчеркнутое внимание царствующей династии к торжествам, представители которой присутствовали практически на всех мероприятиях, должны были свидетельствовать о единении народа и монархии перед лицом грядущих испытаний.

Мир на всех парах катился к мировой войне. Ставки к 1911 г. уже были давно сделаны, и в этой обстановке образ Ломоносова — основателя отечественной науки и борца с немецким засильем — не только пришелся как нельзя кстати, но и имел явно выраженную тенденцию эволюции к национализму. В образе «холмогорского мужика» Россия желала утвердить величие страны. Эпитеты «великий», «выдающийся» были наиболее употребительными на торжественном заседании Академии наук в речах академиков Л.И. Соболевского, П.И. Вальдена, профессора Б.Н. Меншуткина и др.

В приветственных адресах, поданных в Академию наук к юбилею, ломоносовские дни провозглашались национальным праздником русской идеи, а самому Ломоносову приписывались заветы, «которые мы должны начертать на своем национальном знамени. Это: молись, трудись, учись!»[29].

На волне патриотических настроений товарищество «Ленова» выпустило леденцы «М.В. Ломоносов — первый борец с немцами».

К чести отечественной науки, ряд известных ученых, и прежде всего наш известный физик П.Н. Лебедев[30], пытались дать неангажированную оценку научных достижений Ломоносова, но эти голоса услышаны не были.

Эта традиция в оценке М.В. Ломоносова, подзабытая, было, в первые годы советской власти, оказалась вновь востребована в годы послевоенного восстановления СССР и весьма органично слилась с космополитной кампанией, развернувшейся в СССР в первые послевоенные годы. Несмотря на победу в Великой Отечественной войне, страна оказалась в международной изоляции. Началась холодная война. В этой обстановке фигура М.В. Ломоносова — борца с иностранщиной и преклонением перед Западом —

[29] *Миртов П.* О заветах М.В. Ломоносова великому русскому народу. Пг., 1915. С. 98.

[30] *Лебедев П.Н.* Памяти первого русского ученого (1711—1911) // Русские ведомости. 1911. № 257. 8 ноября.

активно использовалась советской пропагандой и при своей массированности и направленности в приведенном выше русле юбилея 1911 г. приводила к перехлестам и гротеску. Неудивительно в связи с этим появление известного анекдота о том, что «Россия — родина слонов». Тем не менее этой кампании мы обязаны и рядом позитивных сдвигов в деле изучения фигуры М.В. Ломоносова. В частности, историография М.В. Ломоносова в эти годы обогатилась изданием нового десятитомного академического собрания сочинений М.В. Ломоносова (11 том был издан в 1983 г.). Благодаря этому изданию 240 доселе неизданных рукописей М.В. Ломоносова нашли своего читателя. По прекращении космополитной кампании довольно быстро померк и образ Ломоносова-националиста.

Заканчивая свой обзор ломоносовских образов, я бы хотел вкратце остановиться еще на одном — образе Ломоносова как ученого-естествоиспытателя и первооткрывателя многих законов природы. Впервые подобная трактовка образа великого русского энциклопедиста была предложена в те же дни его 200-летнего юбилея в 1911 г. Идеологом такого взгляда на Ломоносова был профессор Санкт-Петербургского Политехнического института Б.Н. Меншуткин, который в докладе, произнесенном с трибуны торжественного заседания Академии наук, заявил, что М.В. Ломоносов открыл не более и не менее как закон сохранения массы и энергии.

Заявление очень ответственное, ибо предполагает толкование известного, ставшего ныне нарицательным высказывания Ломоносова ***«Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому».***

Однако эти строки, которые Меншуткин призывал считать формулированием закона о сохранении массы и энергии, высказаны были Ломоносовым не в научном труде, а в личной переписке с Л. Эйлером без какой-либо доказательной базы. Таким образом, мы имеем дело с очередной, можно сказать, гениальной, догадкой Ломоносова, которая, увы, никак не была облечена в долженствующую количественную и качественную форму, чтобы рассматриваться как открытие в строго научном смысле. В полном же смысле первооткрывателем закона считается Лавуазье, который в 1789 г. в своем «Начальном учебнике химии» привел точную количественную формулировку данного закона. Таким образом, если и считать Ломоносова соавтором закона, то можно говорить о более или менее удачном его формулировании им на русском языке.

Прекрасно сознавая это, тем не менее, Б.Н. Меншуткин однозначно поставил Ломоносова в один ряд с первооткрывателем этого

закона. В дни того далекого юбилея, на волне антинемецких настроений, в условиях грядущей войны на подобные мелкие неточности или прямые подтасовки фактов никто не обратил внимания. Зато образ Ломоносова-первооткрывателя надолго закрепился в отечественной историографической традиции и дал начало развитию самых разнообразных отделов ломоносовской литературы. Темы, подобные «Ломоносов — первооткрыватель в области...», стали общим местом в многочисленных исследованиях о М.В. Ломоносове, которые издавались на протяжении всего XX в. и в начале XXI в. Эта же тенденция была господствующей во всех многочисленных работах, которые были изданы в СССР и постсоветской России к юбилеям Ломоносова: в 1966 г. к двухсотлетию со дня смерти ученого и в 2011 г. — к трехсотлетию со дня его рождения.

Не в последнюю очередь из-за хронологической близости последних торжеств я бы не хотел детализировать высказанные выше критические замечания, а лишь констатирую наличие такого устойчивого тренда. Добавлю лишь, что сторонникам подобного взгляда на Ломоносова приходится постоянно сталкиваться с довольно колким вопросом о том, почему все сделанные им открытия не нашли международного признания, а его труды, печатавшиеся Академией наук, не стали классическими образцами для науки мировой? И почему современная ему европейская наука не воспользовалась этими открытиями? Возражение о том, что западная наука не знала об открытиях великого россиянина в силу языкового или информационного барьера, неосновательно хотя бы потому, что официальный орган Российской академии наук — «Известия Императорской Российской академии наук» регулярно издавались не только на русском, но и на французском и немецком языках. Среди подписчиков этого уважаемого издания были ведущие университеты Европы, в библиотеках которых и ныне можно отыскать комплекты этого издания за многие десятилетия XVIII—XX вв.

В диагнозе причин этого, мне кажется, предельно точен П.Н. Лебедев, писавший на страницах упомянутого выше труда, что у Ломоносова разработка научных тем в большинстве случаев только начинается и обрывается на самом интересном месте исследования. Иными словами, незавершенность этих работ исключала их представление серьезному зарубежному ученому сообществу.

В свете вышеизложенных традиций трактовки ломоносовского образа в русской исторической литературе в разные эпохи следовало бы ожидать, что последние юбилейные торжества 2011 г. явят нам некие новые черты светлого ломоносовского облика, согласующегося с задачами, которые, по мысли власти, сегодня стоят пе-

ред русской государственностью. Например, инновационная составляющая деятельности М.В. Ломоносова. Ведь, действительно, ему удалось не только составить оригинальную рецептуру отечественного цветного стекла (смальты), но и реализовать свои начинания в строительстве стекольного завода в Усть-Рудице. И не важно, что со смертью великого ученого это производство было свернуто, ибо импортная смальта оказалась дешевле, а свое предприятие Ломоносов не успел передать в крепкие хозяйственные руки.

Однако прошедший в 2011 г. очередной Ломоносовский юбилей не породил никаких новых трендов. Он вновь показал нам, насколько укоренившиеся политические стереотипы в освещении такой выдающейся личности, каковым был и является по сей день Михаил Васильевич, превалируют над серьезной и скрупулезной научной оценкой того, что же в действительности сделал и кем был этот замечательный человек в истории русской науки и культуры. Времени на то, чтобы с полной долей научной ответственности и без оглядки на политические резоны ответить на этот вопрос, осталось не очень много. Согласно установившейся уже за последние два столетия традиции следующий Ломоносовский юбилей будет отмечаться в 2066 г. Время пошло.

Поступила в редакцию
29.04.2013